

P-33940

ИЗ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ

В. ШИШКОВ

Гордая ралиция

Издательство «Правда»
1945

ГОРДАЯ ФАМИЛИЯ

1

Полевая баня была устроена в пещере, вырытой в нагорном берегу быстрой речки. Кругом хвойный лес, на прогалинках — большетравье, а в траве спелая земляника-ягода.

Жарко, солнечно. Возле входа в землянку сидят на длинной скамье пятеро голых бойцов, с наслаждением скребут ногтями разомлевшие на солнце бока и грудь, нетерпеливо ждут очереди в благословенную баньку, где как следует можно похвостаться веником и смыть накопившуюся за много боевых недель грязь.

Рядом, на весёлом костре, греется в двух котлах вода, два голых моряка — татарин и украинец подают в порядке очереди воду вёдрами в баню. Из бани долетает смех, говор, гоготанье, блаженные выкрики.

Сидевший на скамейке красноармеец Александр Суворов, сухой и широкоплечий, с загорелыми бронзовыми лицом и шеей, закрючив ногу, колукает мозоли и ведёт разговор с товарищами.

— Фамилия наша гордая, — говорит он. — Мы — Суворовы. Я мальчишкой слышал от моего дедушки, ему за сто лет было, как генералиссимус Суворов Александр Васильевич через нашу деревню проезжал. А мой дедушка слышал от своего прадедушки, так это до нашего времени и дошло. Прадедушка моего дедушки в то время парнишкой был, так лет семи-восьми. Играли они в городки, в рюхи. Вдруг катит на простой таратайке какой-то, вроде военного, проезжающий, рядом с ним солдат сидит, и на облучке солдат. Военный остановил лошадей, кричит: «Ребята! А примете меня в городки поиграть? Кости поразмять хочу, засиделся».

Тут парнишка (это прадедушка дедушки-то моего) подошёл к нему и говорит: «Да ты не умеешь, тебе и в городок-то не попасть».

А он: «Молодец! Бойкой!» — да подхватил мальчишку и стал его шувывать вверх — вниз, потом поставил на землю, спрашивает: «Как тебя звать?» — «Александром звать, Сашкой...» — «Ого, мой тёзка, значит. А по изотчеству?» — «Васильич. А прозвище Суворов. Александр Васильевич Суворов я...»

Тогда военный избоченился, перевернулся на одной ноге и крикнул: «Помилуй бог! Врёшь ты, молодец... Помилуй бог! Это я Суворов-то, а не ты!»

Тут все мальчишки загалдели: «Он не врёт, он верно — Сашка Суворов. Его вчера батя драл...»

Военный захохотал и молвил: «Ну, стало быть, Суворов на Суворова наехал. Айда, ребята, в городки!»

Поставили городок, он выбрал из кучи палку самую толстую, поп любил этой палкой играть, да как ахнет! Рюхи, будто галки, в разные стороны полетели, аж завывли, вот как он саданул, несмотря что небольшого роста да сухонький. Тут подошёл к нему старый солдат с тюрючком и говорит: «Ваше превосходительство, не отведаете ли курочки?»

Ребята и рты разинули. А Сашка и говорит: «Нет, ты не генерал. Эвот наш природный барин «ваше превосходительство» зовётся, генерал он, — так у него лента со звездой, а медалей да крестов полна грудь, курице некуда клюнуть». — «А кто же я?..» — «А ты, видать, шибко добрый да хороший... Нешто генералы играют с ребятами?»

Суворов опять захохотал и молвил: «Когда играют, а когда и турку бьют. Бей, не робей!» — да как ахнет! С трёх палок выщелкнул с городка все рюхи и сказал: «С праздничком, ребята. А ну, кто скорей до кибитки добежит? А ну, стройся! А ну, ровняйся! Бего-о-м... Марш!»

Да как почесал, да как почесал в припрыжку. А до кибитки сажень с двести. Он всех опередил, вскочил в кибитку, тут и ребяташки подбежали. Он крикнул: «Наша взяла! И рыло в крови. Прощай, Александр Суворов! Прощайте, пузаны! Ямщик, а ну припусти лошадок!»

Из бани то и дело вместе с клубами пара вырывалось шипенье — это парильщики поддавали на раскалённую каменку водой. Ожидающие нетерпеливо зашумели:

— Эй, в бане! Скоро, нет? В дзоты, чего ли, закопались? Аль запарились?

— Они там что — мины заграждения ставят, то ли в дрейф легли?.. Эй, братва! — закричал моряк с густой татуировкой на волосатой груди и захохотал.

Двое краснокожих — долговязый и коротконогий крепыш — вырвались из тёмного жерла бани, как из миномёта мины, и, дымясь распаренными, пахнущими берёзовым веником телами, счастливые и лёгкие, давая друг другу на бегу шлепки, с гоготом пронеслись в прискокку к речке и с разбегу ухнули в освежающую воду.

— Вот каков был генералиссимус Суворов, — проговорил рассказчик. — И я его крепко любил. Как выучился в деревенской школе, в семилетке, стал книжки про Суворова покупать. Как поеду в город, так что-нибудь и отхвачу: то книжку, то портрет. Есть у меня про него и большие книжки, так что я всю жизнь это знаю до тонкости, все походы его на память рассказать могу. Занятный, ох, занятный старик был, и большой руки чудак. Ну, а что вояка-то он замечательный, я о том уже не говорю, вы и сами знаете. Он всех бил и ни одного поражения не претерпел. Он никого не страшился, с самим Павлом Первым в ссоре был. А пришла пора-времечко, царь-то первый ему поклонился: «Ну, дедушка, выручай!».

2

Красноармеец Суворов, попав на войну, первое время чувствовал себя неважно. В боевой обстановке на него накатывало какое-то томление, робость, страх. «Неужели я такой трусище?» — задавал он себе вопрос, смущённо вспоминая своего любимого генералиссимуса. Ещё с товарищами ничего, хороший товарищ во всякой беде выручить может, от хорошего товарища сила на тебя идёт, спокойствие, уверенность... А вот в разведке, когда в

поле один, иным часом тяжеленько становилось. Но в такие неприятные минуты он всегда мысленно обращался с трогательным душевным движением к памяти великого полководца: «Дедушка, помоги мне». И после этого, как ни странно, его силы сразу возрастали, будто он глоток живой воды хлебнул, появлялась уверенность, что он останется цел и невредим, будет победителем. Он никогда не считал себя готовым на какой-либо подвиг, напротив, он, горячий поклонник великого Суворова, с горечью думал, что ему не выдержать испытаний здесь, в огне и крови.

И вот после трёх тяжёлых боёв он стал твёрд, как камень, и бесстрашен. Юношеское, почти мальчишеское лицо его получило черты мужества, взгляд зеленоватых ласковых глаз стал пристальным, внимательным и волевым. Безусый рот с пухлыми губами сжимался во время боя в упрямую линию. Он весь, незаметно для себя, в какие-нибудь полгода возмужал и стал походить на закалённого в сражениях солдата, на суворовского чудо-богатыря. И сам немало дивился происшедшей в нём перемене. Вначале он только и жил воспоминаниями о доме, о родных, о Фросе, на которой обещал жениться. Затем эти воспоминания тускнели, покрывались, как туманом, налётом боевых забот, а потом и совсем почти исчезли. Но разве он разлюбил мать с отцом, разве перестал скучать о Фросе? Нет, эти чувства, разумеется, гнездились в нём, но они отошли на второй план; надо всем властно возвышалась задача сегодняшнего дня. А задача эта — и сегодня и завтра, и вплоть до самого конца: уничтожить, разгромить неприятеля, прогнать его с родной земли и начать новую мирную жизнь.

3

И вот идут они в бой, двенадцать автоматчиков, двенадцать братьев — витязей непобедимой русской армии. Красноармеец Суворов видел минувшей ночью странный сон: будто его мать подошла к нему, заглянула в глаза,

проговорила: «Саша, помни...» и исчезла. А что «помни», не сказала.

Он шёл вперёд в душевном смятении, и тут снова мысли сами собою начали льнуть к родимым местам, к отцу, к матери. Его сердце загрузило.

Преодолев два проволочных заграждения, автоматчики оказались у вражеских окопов. Немцы открыли губительный огонь.

— Вперёд, братцы, за мной! — крикнул лейтенант Лапшин и побежал, увлекая за собой красноармейцев.

Воздух гремел и выл. Силы были неравны, ряды красных бойцов редели. Сражённый осколком мины, упал лейтенант. Ещё минута — рядом с ним упал раненый Суворов. Над ними где-то, казалось, очень далеко слышалось русское «ура», тише, тише... Сознание вернулось к Суворову. Один, вокруг никого! Вражские миномёты молчали.

С трудом он стал приподыматься, от режущей боли лицо его исказилось, но рука крепко держала автомат. И вот — видит: подбираются к нему четверо немцев: «Ага, в плен? — мелькнуло в его мыслях. — Врёшь, дешево не продам свою жизнь». И он дал меткую очередь из автомата. Трое упали, четвёртый, схватившись за бок, с воплем побежал назад, к окопу. На помощь из окопа, один за другим, выскакивали немецкие солдаты, на бегу стреляли.

Суворов чувствовал, как по левой щеке его бежит тёплый ручеёк, кровь капает на кисть руки, но глаза видят, мозг работает, значит череп в целости. До немцев метров сто. Немцы с гвалтом бегут к нему. Крики, треск выстрелов — в него и от него. Немцы валятся, валятся, и только последний набежал вплотную, замахнулся, чтобы пронзить его штыком, но винтовка из рук врага упала и сам враг упал. Суворов едва превозмогал себя, грудь его раздиралась от шумного дыхания, глаза широко открыты. Перед ним и дальше, до самого окопа, куча вражьих трупов. Он вытер окровавленную, с подсохшей кровью, кисть руки и почувствовал мучительную боль в

обеих ногах и в правом предплечьи. Ему хотелось застыть, он повалился лицом в землю, принялся скрестить землю ногтями, стиснул зубы, боль начала затихать, но дыхание становилось коротким: душно! Нет, лучше на спину, лицом в небо. Он перевернулся грудью вверх.

Капля за каплей вместе с кровью выходит из него жизнь. «Братцы,— стонет он еле слышным голосом,— я живой». Но всё кругом молчит, лишь строчат пулемёты, и небо сереет,— должно быть, сумерки. И странное чувство: вдруг всё в нём загудит, загудит и смолкнет, загудит и смолкнет. Клонит ко сну... Нет, он спать не будет, он станет глядеть в небо и — быть начеку.

Боль... Опять боль. Господи, что же это? То ли мошара, то ли тараканы по лицу ползают, тысячи тараканов... И зайчик пробежал, лягнул ногой и дальше. Тысячи зайцев с рожками... Он глубоко, вздохнув, вздохнул, подумал: «Смерть» и закрыл глаза. Нет, он ещё жив. И где-то голос: «Саша...» Ах, это снова матушка! «Ладно, не надо, дайте, мамонька, капельку покоя, не мешайте».

И ещё голос услышал: «Суворов, крепись!» И голос тот был какой-то особый, он доходил до самого нутра, сердце бойца застонало, затем на сердце стало легко и тепло. «Ты ранен, русский воин?» — и чья-то ласковая рука погладила его по голове, сразу сделалось легко дышать, страдания кончились.

Сухощёкое лицо, такое родное, такое милое, склонилось над ним, а большие глаза заглянули ему прямо в душу. Высокий лоб в морщинах, над лбом пушистый клок белых волос, как снежный вьюнок в метель.

И снова прозвучал тихий отеческий голос: «Помилуй бог!.. Крепись, чудо-богатырь. Крепись!» — «Креплюсь, товарищ генералиссимус», — ответил боец знаменитому Александру Васильевичу Суворову. И от неповторимой высокой радости, что вот к нему, к простому, изнемогающему на поле боя красноармейцу, явился сам Суворов, боец вскрикнул.

И сквозь слёзы видит: генералиссимус вскочил, зама- хал зажатой в руке светлой сабелькой: «Сюда, чудо- богатыри, сюда! Живой!»

Красноармеец, словно поднятый ветром, тоже вско- чил, тоже закричал: «Жив я! Живой, братцы!»

Но вдруг он ощутил, как высокое небо поползло вправо, вправо, а земля рывком и очень быстро двину- лась влево, влево. Боец упал.

Очнулся в госпитале и не сразу поверил тому, что жив. Изумлёнными глазами он водил от лица к лицу врач, две сестры, много раненых — и не находил того кого искал.

— А где же?.. — Он заплулся, он не мог вспомнить, кого ищет его взор.

И где-то в глубине сознания слабым отблеском вне- запно прозвучали слова матери: «Саша, помни...» Тогда обострившимся внутренним зрением он ясно увидел угол своей избы, полку с книгами, над ней портрет вихрастого старца с ухмыльчиво поджатыми губами. И — всё разом вспомнил!

После переливания крови, когда стал помаленьку, но прочно выбираться из смерти в жизнь, он собрался рас- сказать товарищам о своём видении.

— Великий Суворов посетил меня. Сам генералис- симус, — начал он, но вдруг весь обмяк и приостановился, его охватило чувство радостного умиления, у него затре- петали мускулы в лице, вздрогнул подбородок. Смущён- ный, он едва справился с собой, приподнялся на локте в постели, проговорил: — Если б у меня не семь, а семь- десят семь ранений было, я всё равно, как только окреп- ну, в тот же день на фронт. Дедушка-то Суворов какой наказ нам оставил: Слышали? «Разите врага, детушки, спасайте матушку Россию!»

Тираж 200.000.   Издательство «ПРАВДА».   Цена 20 коп.

А5423.   Подписано к печати 6/II—45 г.   Заказ 377.

Типогр. газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.